

БЕЗОСНОВАНИЕ

Сознание
определяет
бытие?

Бытие
разрушает
сознание?

**Виктор
Ефремов**

Виктор Ефремов
Бескрылый воробей

«Издательские решения»

Ефремов В. Б.

Бескрылый воробей / В. Б. Ефремов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852525-4

Человек не рождён с крыльями, но вполне способен утратить их на решающем перепутье своей жизненной тропы. Эта история не столь о стремлении индивида к высокому, не о перевоплощении его же из грязи в князи. Это метафора слабости человеческой души и рассудка на тернистом пути к собственной вожденной мечте. Зачастую не сознание определяет бытие, а бытие разрушает сознание.

ISBN 978-5-44-852525-4

© Ефремов В. Б.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Семейное гнездо	7
Глава 2. На птичьих правах	10
Глава 3. Перелётная птица	14
Глава 4. Белая ворона	18
Глава 5. Рождённый ползать	22
Глава 6. Подобно фениксу из пепла	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Бескрылый воробей

Виктор Борисович Ефремов

Будьте осторожны со своими желаниями – они имеют свойство сбываться.

М. А. Булгаков, «Мастер и Маргарита»

© Виктор Борисович Ефремов, 2017

ISBN 978-5-4485-2525-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

***

На что похоже это чёртово облако? Никак не могу взять в толк. Странные мысли выводят из равновесия, когда лежишь на обочине богом забытой автомагистрали с пробитой головой. Не знаю, сколько прошло времени, быть может, я только что рухнул здесь, опробовав местный гравий на вкус, а, быть может, пролежал здесь целую вечность. Секунды имеют обыкновение растягиваться в подобные моменты вплоть до бесконечности. Две вещи не дают мне покоя и напоминают, что я ещё принадлежу этому миру: острая боль в боку, сопровождающаяся обильным кровотечением, и это чёртово облако.

Не могу поверить, что моему безобидному путешествию суждено завершиться именно так. Я никогда не приписывал себя к персонам благородных кровей, но и помирать, как псына, здесь, у обочины... Нет, такая перспектива меня абсолютно не прельщает.

Что же делать? Кричать изо всех сил, звать на помощь, рыдать в три рупора или же молить всевышнего об отцовском снисхождении? Катя сказала бы что-то вроде: «Будь мужиком! Настоящий мужчина не должен так себя вести!» Эх, глупая, маленькая Катя, как же мне не хватает твоей наивности и ребячества здесь и сейчас. Я, быть может, и вопил бы во всю глотку, орал, что есть мочи, надрывая последние связки, но ребро, предательски вошедшее в лёгкое, советует мне сидеть тихо и спокойно, резкой болью в упомянутом боку усмиряя любые попытки быть хоть толику громче воды.

Возможно, скажите вы, стоит набрать 112, сообщить о случившемся утром конфузе, о том, каковы на вкус сталь выкидного ножа и удары узконаправленного действия (по моей морде) двухметровой лысой гориллы в джинсовом жилете с логотипом Моторхэд и сломанным носом, объяснить, как и почему я оказался здесь... Но где, «здесь»?

Проблема в том, что даже если бы я знал точную долготу и широту места, которое я успешно залил n-ным количеством миллилитров крови, это бы навряд ли кардинально изменило ситуацию, учитывая тот факт, что фанат хэви-метал с медвежьими лапами уволок не только мои последние бумажки с пейзажами родных сердцу городов, но и мой старенький, потрёпанный жизнью мобильник.

С каждой минутой становится всё труднее сохранять здравый рассудок и откладывать встречу с Иисусом... или с Сатаной... Чёрт побери, я не знаю, насколько хорош я был в этой жизни, но что я знаю наверняка, так это то, что это определённо собака! Ну конечно, я отчётливо вижу отвисшие уши и длинную благородную морду, это определённо спаниель, белый, как снег, немного размазанный ветрами многометровой высоты, но спаниель! Дрян-

ное облако, я раскусил тебя. Надеюсь, сложившаяся ситуация не успеет так же быстро раскусить и меня.

Неплохо было бы что-то предпринять, пока дефицит поступающей к мозгу крови не дал о себе знать. Возможно, стоит попросить бинты у тех ребят или хотя бы стакан виски, должно же быть хоть что-то в их дорожной аптечке. Они как раз направляются в мою сторону.

Глава 1. Семейное гнездо

– Тебе не надоело сидеть здесь? – нарушив состояние моего двухчасового транса, спросила Катя.

– Нисколько, Катя. Я же просил, не тормози меня, когда я уйду сюда. Ферма Воробьёвых – единственное место, где мои уши могут отдохнуть от ваших бесконечных криков. Что-то случилось?

– Нет, – выждав пару секунд, Катя продолжила, – просто мама волнуется, ты сидишь здесь весь вечер.

– Что со мной может произойти на старой заброшенной ферме? Я же сказал, приду к девяти вечера, видишь, – я оттянул рукав выцветшей клетчатой рубашки, – дедовы часы со мной, по-прежнему целы, по-прежнему ходят и тикают с частотой в один герц. Ещё только восемь двадцать две, ты отнимаешь драгоценные минуты моего уединения. И вообще, какого чёрта маленькая рыжая девочка шатается вечером в этих местах? Тебя непременно примут за ведьму, собирающую шабаш, оглянуться не успеешь, поймают и сожгут!

– Дурак! – ударив меня кулаком по запятому плечу, крикнула девчонка.

Возможно вы уже догадались, Катя – моя сестра. Младшая, если быть точнее. Невыносимая, если быть ещё точнее. Тогда ей было три года. Ладно, отбросив все мои издёвки над ней, могу согласиться, что ей было двенадцать. Дело в том, что моя сестрёнка родилась в високосный год, аккурат на 29 февраля, что не могло не радовать её папашу, любившего пластинки Тото Кутуньо куда больше, чем собственную дочь. Старый мерзавец находил должным дарить дочери подарки лишь раз в четыре года, разбавляя оставшиеся деньки обилием побоев и бранных слов в адрес незащитного ребёнка. Однако мы с мамой всегда находили для неё пару-тройку цветных бумажек на шоколад и разного рода побрякушки. Жили мы небогато, но, благо, на хлеб с колбасой хватало. Хорошо, что мама ушла от этой свиньи. На ферме у бабушки (мир её праху) гораздо лучше, несмотря на то, что из развлечений тут только местный пруд да сеновал за амбаром у Абрамова (интересно, старый осёл до сих пор распугивает малолеток дулом своей ржавой «Сайги»?).

– Драться – нехорошо, Катя! – смерив её порицающим взглядом, я высказал вердикт, – Ты водишь! – и помчался в сторону дома, не забыв дать подзатыльник потерявшей бдительность сестре.

Ферма Воробьёвых, обитель моего душевного спокойствия, находилась на востоке от нашей, в пяти километрах, близ небольшого, но глубоко пустившего корни в зелень берега залива. Чудное место, однако. Хозяин, старый, седой, щуплый старичок в прошлом году потерял супругу – что поделать, тяжёлый труд губит нас, а судьба не даёт второго шанса. Не сказать, что наши семьи были очень дружны, но мы помогали старику, как могли. В прошлом месяце скончался и он. Возможно, это и к лучшему, супруге будет не так одиноко там, наверху. Не знаю, есть ли что-то или кто-то там, за высотами небоскрёбов, но уверен, если есть, то старушку однозначно пустили без очереди. Славная была женщина.

Ферме ещё не нашли нового хозяина, старая пара не имела ни детей, ни внуков, а все дальние и не очень родственники уже давно отжили свои светлые и не очень деньки. А по сему, я имел наглость взять в привычку посещать их ферму, когда удавалось выкроить пару свободных от работы часов. Ничего особенного, я просто сидел на крыше или у веранды их покосившейся хижины, наблюдая закат и слушая собственные мысли. Согласитесь, иногда уединение необходимо, особенно в наш век бурно развивающейся индустрии, особенно, если ты живёшь с назойливой малолеткой.

– Стой! – задыхаясь, выдавила из себя Катя. – Я устала бежать!

До дома оставалось ещё четыре километра. Стараясь скрыть одышку, я принял предложение сестры. К тому же бежать по хлипкому мосту, наспех сооружённому ещё в досоветскую эпоху, было не самой лучшей идеей. Коренные жители называли эту речушку «Дарующей жизнь». У местных явно было чувство юмора: в ней не водилось даже водомерок.

Несмотря на то, что я всю жизнь искал тишины и уединения, общение с Катей приносило мне массу удовольствия (хотя порой я бежал от неё, как от огня). Мне нравилось объяснять сестре то, что не понятно ей, и пытаться понять то, что старается донести до меня она. Я любил дурачиться с ней и никогда не упускал повода поспорить о чём бы то ни было. Но, чёрт возьми, в конце концов я заменял ей отца и считал своим долгом воспитывать её, поэтому дурачество время от времени сменялось советами и ненавистными ей наставлениями.

– Катя, я сегодня заходил в школу. Ты ничего не хочешь мне рассказать?

– Он сам виноват, – оборвала сестрёнка, уставившись под ноги.

– Знаешь, Вера Владимировна думает иначе.

– Он сам виноват, – упрямо повторила она.

– Катя, зачем ты украла книгу Глеба? – продолжил я неприятный нам обоим допрос.

– А зачем он дразнил меня? Зачем он повторял постоянно, что это, видите ли, ограниченное издание, подписанное самим Джеком Лондоном? Нельзя вести себя как зазнавшийся индюк и оставаться при этом безнаказанным! Я ведь... Я просто хотела его проучить. Мне не нужна эта книга, я перечитывала «Морского волка» раз десять, а «Белого клыка» знаю чуть ли не наизусть. И какого чёрта...

– Не ругайся!

– Извини... Почему он считает обязательным показать каждому её кожаный переплёт и этот чёртов ценник? – с трудом сдерживая слёзы, выедавшие солёные просеки на веснушчатом лице, попытожила юная клептоманка.

– Катя, – остановился я, глядя в её глаза, – воровство – последнее дело. Запомни, честь выше всякой глупости. А индюк, какой бы пышный и роскошный он ни был, рано или поздно попадёт в суп.

– Ты прав, ты как всегда прав, – уступила сестра. – Мама ни за что не отпустит меня в летний лагерь, если узнает об этом. А ведь я всё лето копила на путёвку: раздавала эти несчастные листовки и продавала мамины гладиолусы, – она замолкла, потупив взгляд и окончательно разревевшись.

– Давай заключим сделку: ты вытрешь слёзы и пообещаешь мне больше никогда не опускаться до уровня пернатых, а я ничего не расскажу маме, и ты обязательно Балтийское море. Идёт? Я даже добавлю тебе на путёвку, гладиолусы подождут.

– Обещаю! – сверкнули сияющие девичьи глаза.

Договор вступил в силу, как только мы деловито пожали друг другу руки. Правда, уговорить упрямого ребёнка извиниться перед пострадавшим мне так и не удалось.

– А теперь, – похлопав по плечу несовершеннолетнюю преступницу, я попытожил, – ты водишь!

В доме царил настоящее пекло. В отличие от фермы Воробьёвых, располагавшейся в тенистой низине, наша ферма с удовольствием питалась всем солнечным теплом, которое только может вкусить самое пустынное место на планете. Вечерняя прохлада, совсем недавно успокаивающая пульсирующую боль в висках, мгновенно сменилась подлинным летним зноем, выбивающим испарину из каждой поры пышущей жаром кожи. Неторопливо уходящее за горизонт солнце, казалось, не хочет так просто отпускать эти и без того выжженные дотла земли, из последних сил цепляясь когтистыми лучами за каждую ускользающую из рук травинку. Старый вентилятор, собранный из моторчика выдохшейся бензопилы родом из бородатых годов и самодельных лопастей, примотанных друг к другу чёрт

знает чем, еле справлялся с порученной ему работой. Сквозняк, казалось, пытался спрятаться в стенах нашей старой лачужки от ненавистного им солнца, но, задыхаясь, исчезал где-то посреди комнаты, так и не успев попроситься на ночлег. Единственное место, в котором хотелось находиться весь невыносимый день от полудня до самого вечера, было занято молоком, замороженным фаршем и красочными конфетти из томатов, огурцов и початков кукурузы. К сожалению, холодильник не мог вместить в себя стовосьмидесятисантиметрового детину.

Из кухни доносился голос матушки, сопровождающийся торопливым стуком ножа, выбивающего марш о кухонную доску. Скрип ржавых оконных петель, время от времени прерывающий идиотские шутки радиоведущих, напоминал мне о том, какой я плохой хозяин.

– Катя, это ты? Когда придёт братец, передай ему, чтобы он в кои-то веки занялся домом и починил окно. Этот скрип сведёт меня с ума, ей-богу, – протараторила мама, ни на секунду не сбившись с ритма.

– Я тут, мам. Извини, был занят, время работает против нас.

– И чем же ты был занят? – прекратив барабанную дробь, прервала меня она.

– Я разобрался с мельницей и почти закончил латать крышу сарая, – теряя улыбку ответил я.

– И что же тебя остановило? Крыша течёт, техника на ладан дышит, это чёртово окно, прости меня господи. Дом по швам трещит, а тебе плевать!

– Не начинай, мы тысячу раз это обсуждали, – окончательно спрятав безмятежное выражение лица, выдал я.

– Нет уж, ответь: что ты делаешь на этой ферме? Что можно делать на изъеденной термитами вдоль и поперёк, разваливающейся ферме столько времени? Сколько ты там просидел сегодня: час, два? А вчера? Сколько это может продолжаться? Сколько ещё ты собираешься испытывать моё терпение? – с каждой секундой она всё громче продолжала бить по мне пулемётной очередью.

– Сколько можно тебе объяснять, – продолжал я, синхронно повышая тон, – мне это нужно, без этого я не смогу собраться с мыслями и дописать свой грёбаный роман!

– Ты всё о своей книжонке? Ты – единственный мужчина в семье, хватит играть в игрушки, видел бы тебя сейчас твой отец! На нём одном держалось всё в этом доме!

К слову, мы с Катей не родные брат и сестра. Так вышло, что мой отец умер задолго до её рождения и задолго до того, как мама встретила этого подонка. Папа был хорошим человеком, в самом деле, хорошим, однако, пневмококк, видимо, посчитал иначе.

– И где он теперь?! – не подумав, ляпнул я, от чего мне мигом стало тошно от самого себя.

Несколько секунд воздух пропитывала тишина. Не та, о которой писали поэты, опьянённые размышлениями о таинстве смерти, нет. Не гробовая, не свинцовая, не режущая слух, даже не та тишина, от которой в жилах стынет кровь и прерывается дыхание, нет. Тишина совершенно иная, но не менее пронзительная от того. Было слышно всё: стук антикварных часов из красного дерева, доставшихся нам от бабушки, выбивавших полдень ещё при завоевательных походах Бонапарта, скрип злополучного окна, ставший последней каплей в переполненной чаше наших непростых отношений, щебет изнывающих от жары птиц. Было слышно всё, кроме наших голосов.

– Прости, я... я не хотел, правда, – раскалённой кочергой я попытался выдавить из себя хоть какие-то слова.

– Чтобы духу твоего здесь не было, – с каменным лицом ответила она, хладнокровно отвернувшись и продолжив нарезать слегка подсохшие на солнце овощи.

Глава 2. На птичьих правах

На утро я покинул родные пенаты. Я понимал, что это произойдёт рано или поздно, что матушка никогда не примет моего мировоззрения, моих мечт и целей, которые я ставил перед собой. После года бессчётных распрей, ссор на пустом месте и нашей последней словесной перепалки, всего того яда, которым я по неаккуратности, а, быть может, по глупости отравлял жизнь любимого человека, не желая смириться с её философией, я решил поставить точку. Жирную чёрную точку. Жирный чёрный крест, перечеркнувший все девятнадцать лет, что я прожил под её крылом.

Я поднялся в свою комнату, собрал все необходимые вещи. Всё, что могло влезть в мою истёртую бежевую сумку: блокнот, вдоль и поперёк исписанный рваными линиями, с обнадеживающей надписью на обложке «Роман в 16 глав», пару рубашек, менее потрёпанных фермерской жизнью, кожаный бумажник, оставшийся от отца, который я навряд ли смог заполнить хотя бы наполовину отложенными мной за год мятыми купюрами, складной швейцарский нож, который верой и правдой служил как моему деду, так и моему отцу, оптимистично наполовину полную бутылку добротного шотландского скотча, подаренную мне одним бродячим музыкантом, которого нелёгкая занесла в наши богом забытые края.

Думаю, стоит отдельно упомянуть именно его, человека, который в корне изменил моё мышление и, к горю или к счастью ли, сподвигнувшего меня к коренному перелому в моей скромной жизни.

Около года назад о нынешней засухе никто не мог и подумать. Каждодневные ливни, молотом выбивавшие мысли из головы, удачно выбивали и последние силы из изнеможенных злаковых и корнеплодов, так и не привыкших к местному переменчивому климату. Град, стремившийся разнести в труху всё на своём пути, приучал каждую неделю чинить и без того рассыпающуюся крышу.

В один из этих мокрых, холодных, насквозь прогнивших вечеров, накидывая на себя не успевший высохнуть дождевик, я услышал за окном нечто доселе неизвестное. Не то, чем любит натягивать нервы Стивен Кинг, и не то, чем предпочитал схватить за глотку Хичкок. Нет, за окном сквозь удары дождя о вязкую глину и раскаты грома едва пробивались звуки вызывавшие истинный трепет души, звуки, которых я не слышал уже много лет.

У дороги, тускло освещённой дрожащим на ветру фонарём, стояла фигура мужчины в тёмном пальто и фетровой шляпе с узкими краями. Каждой глубокой затяжкой тлеющей сигареты, каждым клубом горького густого сизого дыма он многократно усиливал обстановку отрешённости, господствовавшей здесь на протяжении уже нескольких дней. Финальный штрих к декорациям нуарного детектива шестидесятых привносил незамысловатый, но вьдающийся в подкорки мозга гитарный перебор.

Я не могу сказать, что в тот момент поражало меня больше всего: то, что чёртов дождь шёл третьи сутки подряд, не останавливаясь ни на секундную передышку, или то, что под этим самым ливнем неподвижно стоял человек, насквозь пропитанный смесью дождевой воды и табачного дыма, неспешно перебирающий жилы искусно выточенного струнного инструмента.

Натянув дождевик и сапоги, потерявшие свой истинный облик под слоем глины и дёрна, я двинулся навстречу незнакомцу. С каждым пройденным метром черты его становились всё чётче, и я наконец смог разглядеть портрет во всех красках: густая пепельная щетина двухнедельной выдержки простиралась от мощных скул до не менее мощного кадыка, скрываясь за горизонтом тугого лоснящегося воротника, испещрённый морщинами лоб скрывали угольного цвета с проседью редкие намокшие от дождя пряди волос, чёрное драповое пальто, едва потёртое и обшарпанное молью, но, тем не менее, отлично подогнан-

ное по фигуре, удачно сочеталось с помятой федорой и кожаными туфлями, покрытыми обильным количеством грязи, скрывавшей некогда ослепительного блеска лак.

Незнакомец обратил на меня внимание, лишь когда пепел тлеющей сигареты коснулся пожелтевшего фильтра.

– Уважаемый, вы выбрали не самое лучшее время для концерта. Да и, признаться честно, не самое лучшее место.

– Думаю, вы ошибаетесь, молодой человек, – окинув меня внимательным взглядом, бродяга тихо продолжил, – время, как нельзя удачное для старого доброго Дилана, да и аудитория нашлась, и вы тому наилучшее подтверждение, а место довольно-таки живописное, по крайней мере было лет двадцать назад.

– Я вас здесь никогда не видел, – продолжил я после недолгого молчания.

– Зови меня Марк, мальчик мой.

– Марк, что вы делаете здесь? Солнце давно зашло, а чёртов дождь не даёт увидеть собственный нос. Вам бы поспешить домой, надвигается гроза.

– Сынок, мой дом – везде! – с улыбкой едва слышно ответил седой музыкант.

Смекнув, что к чему, я пригласил усталого путника на ночлег. Время было позднее, все разлеглись по кроватям, поэтому их знакомство с гостем я отложил на утро. Но мне не спалось, как не спалось и моему постояльцу. Предложив путнику сухую одежду, я показал ему «номер»: небольшую комнатку три на четыре метра, зато с кроватью и небольшим шкафчиком, что, думаю, всё-таки куда лучше его отеля без стен и с бесконечно дырявой крышей.

Марк выпил чашку горячего напитка из забугровых сортов чая и местных трав, собранных матушкой не так давно. От второй же чашки гость отказался. Потянувшись за промокшим рюкзаком, ехидно улыбнувшись, бродяга предложил мне выпить чего покрепче. Под «покрепче» подразумевалась запечатанная бутылка прозрачной жидкости карамельного цвета. Тогда то я и узнал, что такое скотч.

– Боже, ну и дрянь! – воскликнул я, как оказалось, неготовый к новым вкусовым экспериментам.

– Не думал, что нынешнее поколение такое изнеженное! – рассмеявшись ответил Марк шёпотом, не торопясь наполняя свой стакан.

– Как вы пьёте это пойло?

– Всё лучшее приходит к нам с возрастом, сынок, – улыбнувшись ответил он, смакуя дьявольский напиток без малейшего намёка на отвращение.

Прикончив стакан, он принялся расспрашивать меня о моей жизни. Рассказывать было практически нечего, но я старался быть предельно честным и откровенным: Марк оказался чрезвычайно приятным человеком, мы быстро стали приятелями, несмотря на то, что провели вместе не более часа. Закончив краткий экскурс по моей пока недолгой жизни, я с азартом приготовился слушать, как судьба занесла путника в наши непросыхающие земли.

Как я уже сказал, мой новый приятель оказался музыкантом. Гитаристом, если быть точнее. Чертовски крутым гитаристом, если быть ещё точнее. Марк здорово обыгрывал классические мелодии блюза и раннего рок-н-ролла, привнося в каждый безликий шлягер свой некий фирменный шарм. Каждое движение стёртого металлического медиатора, каждый обрывистый удар пальца по выцветшему палисандровому грифу наглухо впечатывался в память, оставляя кратковременное оцепенение перед талантом виртуоза.

За то время, что он успел у нас погостить, Марк близко сдружился со всеми обитателями фермы. Мама и Катя приняли его очень тепло, благо, харизмы у нашего гостя оказалось хоть отбавляй. Для своих пятидесяти шести лет, проведённых в вечной борьбе с бронхиальной астмой, и образа жизни бродячей рок-звезды он был довольно хорошо сложен, крепок и чрезвычайно бодр. Марк помогал нам с хозяйством и отлично ладил с захудалой техникой.

Вечера мы проводили, слушая его байки, подкормленные жизненным опытом и своеобразным бульварным юмором.

Солгу, сказав, что эти грязные грубые шутки были мне не по нутру. Отнюдь, образ его жизни, облик и течение его мыслей определённо находили отклик где-то в глубине моего сознания. Марк был именно тем человеком, о котором хотелось читать в книгах, которого хотелось видеть на экранах кинотеатров.

В свободное время он учил меня играть на своей полуакустической гитаре расцветки «санбёрст», чей полый корпус был испещрён многочисленными царапинами и сколами – издержками бродячей жизни. Не могу сказать, что мой талант хоть немного касался тени Чака Бери или старика Би Би Кинга, но некоторые успехи не могли не радовать. Правда, я уже напрочь позабыл всю эту теоретическую музыкальную лабуду. Никогда уже не вспомню, чем диез отличается от бемоля, чем кварта отличается от квинты и так далее, и тому подобное. Но, пожалуй, подобрать «Лестницу в небеса» труда не составит, если посидеть над грифом часок-другой.

Старик сильно повлиял на меня, расшатав во мне дремлющую тягу к чему-то, что должно быть так чуждо обычному юноше-фермеру, день и ночь разгребающему дерьмо по всем уголкам своей безымянной земли.

Видимо это и не понравилось моей матушке, чьи отношения с моим новоиспечённым другом накалялись с каждым днём, подобно песку под палящим пустынным солнцем. Безусловно, мама желала мне лишь добра, но никогда не заглядывала выше планки «работадом-семья» и не пророчила мне судьбу вне забора нашей фермы.

Марк погостил у нас около трёх недель, именно на столько хватило терпения матушки, чей последний разговор с ним кончился для нас прощанием. Нет, не было ни ссор, ни криков. На него в принципе нельзя было сердиться: старый негодяй любое разногласие умело переводил в шутку, какой бы мерзкой она ни была, дико смешную. Но мы все понимали, что рано или поздно наш путник продолжит своё странствие, но уже один (Интересно, как он сейчас? Уж кто-кто, а этот старый сукин сын точно переживёт всех нас. Дико скучаю по тебе, приятель).

На прощание он вручил мне маленький, но от того не менее важный для меня, подарок – книгу, с пожелтевшей обложки которой молодой Сэлинджер до сих пор смотрит на меня выцветшими глазами.

Для неё я выделил отдельный карман сумки, идеально подходивший под её размеры: не стирающий концы и без того потрёпанной книжонки, но и не позволявший ей пребывать в свободном плавании.

Укомплектовав сумку, я заметил, что она едва заполнена наполовину. Что ж, хватит места для сувениров. Оглядывая последний раз свою комнату и в последний раз заправляя свою постель, я не чувствовал ни грусти, ни радости, не ловил себя на чувстве ностальгии или страхе перед неизвестным будущим. Я лишь в отчаянии понимал, что у меня всегда была крыша над головой, всю жизнь был дом, но никогда не было друга, которого я мог бы пригласить в его стены. Я любил это место равносильно тому, насколько ненавидел.

Стараясь не разбудить спящую сестрёнку, я аккуратно приоткрыл дверь в её комнату и осторожно поправил лоскутное хлопковое одеяло. Оставил матушке малую часть своих малых сбережений и записку с клятвенным обещанием помогать всем, чем смогу, из кожи вон лезть, но обеспечивать их, пусть даже находясь за много километров отсюда.

Не знаю, правильно ли я поступил, быть может, я просто трус. Но это место нагнетало неумолимую тоску и свело бы меня в могилу быстрее пули любого калибра.

Заварив кофе в свою любимую бирюзовую керамическую кружку с надломанным краем и с годами пожелтевшей эмалью, я искал ответ на внезапно возникший вопрос. Размешивая напиток цвета гудрона с лёгкой восковой пеной, я решал, куда направиться.

Получасовое раздумье привело лишь к тому, что мой зерновой напиток окончательно остыл. Было решено идти на юг, в сторону железной дороги, бережно уложенной арестантами-работягами ещё во времена Сталинских репрессий. А почему бы и нет, по пути размещалась отличная забегаловка, будет, чем забить желудок перед дальней поездкой.

Глава 3. Перелётная птица

На часах ровно шесть утра. Воздух уже успел прогреться, но всё ещё таил в себе остаток утренней свежести, не успевшей до конца иссохнуть под гнётом июльской жары. Пробудившаяся мошкара во всю силу атаковала выгоревшую кожу, впиваясь в каждый неприкрытый сантиметр тела. Рой комаров преследовал с самого дома, обходя с тыла, по одиночке выпуская на разведку пищущих диверсантов. Огромный паут напару с жирной озверевшей от голода мухой, не соблюдая субординации, поочередно бомбардировали неприкрытый лоб, не подпуская к линии фронта шмеля, своим неутихающим параноидальным жужжанием стирающего в порошок остатки некогда крепких нервов.

Идти рядом с прудом в это время оказалось идеей наиглупейшей, суициду подобной. Я ковылял около получаса, чертыхаясь на каждом шагу и размахивая искусанными руками, пока лекала берегов местного водоёма не остались далеко позади меня, за изгибами холмов, плавно переходящих в сосновый лес. Пройдя удвоенный курс иглоукальвания и досыта накормив местную крылатую фауну в его чащах, я всё же вышел к бесконечно вытянутой степи, поперёк исполосованной гладкими швами железнодорожных путей и линий электропередач, простирающихся в тридцати километрах отсюда.

Впервые я был так рад добрым тридцати градусам по старику Цельсию. Вскарабкавшись к зениту, солнце нещадно жгло любую крылатую тварь, пытавшуюся осадить моё измождённое тело. Разогнавшийся на склонах ветер проходил сквозь меня на бешеной скорости, срывая с погоды маску зноя и духоты. Редкие перистые облака небезуспешно ограждали мою сетчатку от ударов ослепляющих солнечных лучей.

Оставив позади около двадцати километров разношёрстной местности, я решил ненадолго разбить лагерь, перекусить и поднабраться сил к оставшимся километрам пути.

Плюсы: мне хватило ума захватить с собой немного еды, способной выдержать хотя бы пару часов на такой жаре, и набрать сухостоя в оставшемся позади лесу.

Минусы: одного не хватило, чтобы взять спички.

Пришлось ограничиться бутылкой тёплой воды и какими-то дрянными сухарями, усыпанными мелкой дробью мутной фабричной соли и тушками приунывших от бесконечной скорби по былым прохладным временам муравьёв. Ломтики сырой, относительно свежей ветчины пришлось есть напару с риском подхватить кишечную палочку, а листьям старого, но добротного «Эрл Грея» так и не довелось покинуть оковы душной сумки.

Утолив чувства голода и жажды, я прилёг на утопанную траву, разделив ложе с десятками грызунов и пресмыкающихся разного калибра. Полуторачасовой сон привёл в тонус уставшее тело, а прикрытую старой бейсболкой голову наградил конфетти из миллиона психоделических образов и историй, компактно уместившихся в черепной коробке.

До чего же странные картины порой посещают голову во сне: ни одной детали из сумбурного многогранного кома мыслей и переживаний выделить не выходит, на глазах лишь вспышки различных цветов и форм, но сохранность ощущений наряду с неопределённостью и недосказанностью остаётся ещё надолго, не позволяя ни минуты покоя владельцу горелого головы. Чувствуешь себя одновременно и гением, и идиотом.

Выспавшись и набравшись сил, я потихоньку начал выдвигаться. Издалека уже доносились колотящие звуки стальных многометровых гусениц, сопровождавшиеся пронзительным воем и свистом металлических гигантов. Густой смольный дым рассекал горизонт, плавно растекаясь и растворяясь в нём навсегда. Смесь жжёного железа и дизельного топлива едко врезалась в ноздри, наполняя лёгкие беспросветно пустым мраком. Стук тяжёлых колёс доносился отголоском барабанной дроби, проходя сквозь каждую клетку тела, не пропуская ни сантиметра.

Ещё через пару километров уже отчётливо были видны контуры пригородного вокзала, гостеприимно пропускающего через свои двери десятки, а то и сотни людей местного и дальнего покроя. Все в суматохе носились из стороны в сторону, проверяли билеты, нервно поглядывали на часы, нервно же покуривали белоснежные сигареты, с краёв обожжённые едким жёлто-серым дымом, ругались, обнимались, слёзно прощались и обещали друг другу увидеться в скором времени.

У входа, в небольшом «офисе» метр на метр, сидел охранник с явным видом многодневного недосыпа, нервно листая страницы какого-то журнала, актуального, быть может, пару лет назад. На его столике лежала целая кипа подобной макулатуры, кружка остывшего напитка оттенка парафиновой нефти, который он нехотя потягивал раз в пару минут, очки в достаточно элегантной оправе, но с безобразно мутными и стёртыми линзами, пластмассовая тарелка с бутербродами, усыпанная довольными мухами, и невообразимых объёмов всяческий канцелярский и бытовой хлам, бережно рассеянный по всей площади рабочего пространства.

Внутри же зала ожидания народу было ещё больше, как собственно и суматохи. Сбившиеся в кучки по два, три, а то и по десять человек люди шныряли туда-сюда, не давая места для манёвра молодому одинокому фермеру-беглецу. У окошка кассы меня вновь настиг злополучный вопрос. Несколько минут бессмысленного разглядывания карты края и расценок на билеты были прерваны тонким женским голосом, подкравшимся откуда-то из-за спины: «Трудный день, а?»

День действительно не из простых. Как и последние несколько месяцев. Я уставился на неё и выдал что-то вроде: «Да, немного». Она начала что-то говорить, но я был уже где-то глубоко в себе, нервно пытаюсь откопать хоть какие-то слова из, казалось бы, начитанной головы. Я всегда был довольно немногословен. Дело не в застенчивости или робости, которые всё же пронзали меня тогда, оцепеневшего перед её внезапным появлением и внезапно ударившей мне в глаза красотой.

Я редко находил людей по душе, тех, с кем можно было бы болтать часами ни о чём или же обо всём целую вечность. И, как правило, судьба умело выкручивала мне и моим спутникам руки, навеки разделяя нас милями и сотнями миль. Я искал в людях некий огонь, бьющий фонтанами искр. Тех, кто одним своим молчаливым присутствием мог разжечь и моё тлеющее зарево. Люди-talанты. Люди-гении. Какими бы забитыми ни были эти клише, я искал именно этих людей, одарённых природой или же стариной Иисусом. Не обязательно писателей или художников, музыкантов или поэтов, нет. Важно другое. Важно, что все они были не от мира сего в той или иной степени. Пусть это бывшая соседка, безгранично глупая, но, тем не менее, бесконечно мечтательная. Почтальон, переехавший в другой город, от заката до рассвета угрюмый, но хранящий в своей голове знания о всей вселенной: от коконов гусениц шелкопряда до тайн Млечного Пути. Старый добрый Марк, пышущий перегаром, но от того лишь ловчее перебирающий струны. Все те люди, коих мне удалось удержать рядом на считанные дни, но навсегда оставить в памяти.

Что-то такое я чувствовал и в этой появившейся из ниоткуда девушке.

– Ты что, больной? – в очередной раз я был изгнан из собственных мыслей.

– Прости. Ты что-то сказала?

– Спросила, куда ты направляешься и как давно ты не принимал лекарства.

– Да брось. Я просто немного устал. Знаешь, у меня есть идея. Я поеду с тобой. Куда ты направляешься?

– Точно больной! Ты меня пугаешь, парень, – сморщив лоб, возразила она чрезмерно высоким сопрано, однако, через секунду черты её сгладились, – Чур, я у окна!

– Идёт! – озарился я радостью, сам не понимая, что вообще происходит и во что ввязываюсь.

Мы купили билеты и, выждав пару часов, навсегда покинули это место. Как ни странно, я чувствовал облегчение. С каждым пройденным шагом, с каждым отдаляющим меня от дома километром я чувствовал себя всё легче. Возможно, побег – не выход, но вариант – точно.

Я понятия не имел, куда мы направляемся. Не заглянул в билет, не уточнил на кассе, где находится место, к которому меня ведёт нелёгкая. Я не был уверен, не покидаем ли мы пределы края. Я не был уверен, не покидаем ли мы страну.

Мы заказали кофе. Не самый лучший в моей жизни, но и не самый отвратный. Сносный. Медленно опустошая угольную дымящуюся массу из пластмассовых стаканов, мы столь же размеренно начали расспрашивать друг друга обо всём на свете: кто мы есть и откуда родом, куда направляемся и от кого бежим.

Оказалось, моя спутница провела всю жизнь в соседнем городе и гостила здесь, в наших окрестностях, последние несколько дней. Как объяснила она, в кои-то веки ей захотелось навестить младшего брата, чахнувшего в этих краях в полной беспросветной скуке в свои неполные светлые четырнадцать лет. Рвения её хватило на неделю. И вот мы уже здесь, в вагоне, попиваем неторопливо остывающую массу бразильского якобы происхождения.

Сейчас я с трудом могу вспомнить её лицо. Лишь редкие черты: благородная бледность кожи, белокурые волосы, золотым плетением переливавшиеся на плечах, зелёные глаза, изумрудным оперением обрамлявшие гранит блестящих зрачков, пепельного тона белоснежные ресницы. Всё в ней было для меня ново. Я ловил каждое её движение, каждую фразу её стеклянного голоса, мимолётом проскальзывающую в нашем диалоге.

За стенами метровых колёс бесшумно проносились безликие фонари, покосившиеся столбы и редкие силуэты деревьев, унося за собой беглый взгляд безымянных пассажиров. Многочасовой трёп в один момент сменился вполне уместным молчанием, дозволенным лишь самым близким и закадычным друзьям. Неловким не были даже встречи взглядами, за пару часов ставшие совершенно не случайными. Каждый думал о своём, не торопясь распутывая клубок проснувшихся мыслей, порой улыбаясь задумчивому соседу.

– У тебя часы отстают, – разглядывая моё запястье, заключила попутчица.

Унесённый своими размышлениями, чтобы вновь не выглядеть идиотом, я лишь улыбался и одобрительно кивал головой, надеясь, что реплика её имела исключительно риторический характер. Эффект оказался противоположным.

– Ты опять меня не услышал? – поднеся кисть к подбородку и обронив снисходительную улыбку, произнесла она.

Я продолжал кивать и глупо улыбаться, подчёркивая улыбку спутницы нотками искренне детского смеха.

– Переведи стрелки на час назад, мы пересекли часовой пояс, – умиляясь моим кривляниям, настаивала соседка.

Краснокожее Солнце уже наполовину прикрыло палящие глаза и неторопливо уступало место бледнолицей Луне. Тень заботливо накрывала раскалённую крышу поезда, просачиваясь в вагоны, насыщая их обитателей долгожданной прохладой.

Люди выходили на станциях и вновь набивали собой тесные стены поезда. Навсегда исчезали недавние новые знакомые, на смену им приходили знакомые поновее и снова пропадали в бездне времени, где-то позади, за одну, две, три станции.

Запах сигарет в тамбуре вымывался густым паром кофе и свежесваренного чёрного чая, звон расстроенной гитары с конца вагона сменялся хохотом подвыпившей молодой девицы всё с того же конца вагона, неизменными оставались лишь лязг и монотонный бой колёс, ненавистный и незаменимый в то же время.

– Сыграй мне что-нибудь, – уставившись в окно, она продолжила, – или хотя бы настрой гитару этим ребятам.

Мы схватили сумки и направились в конец вагона, неся перед собой сбережённый мной плод трудов шотландских виноделов.

Шумная компания на мгновение утихла, увидев направляющую в их сторону пару. Замершие в ожидании, они приготовились к моей реплике.

– Приятель, шестую струну – на тон ниже, – выждав пару секунд, я продолжил. – И приготовьте ещё пару стаканов.

Одобрительные возгласы новоиспечённых знакомых и овации охмелевшей дурнушки резко ударили в уши, насыщая мою мимику неподдельной улыбкой. Какой-то парень погрузился художавой рукой в сумку и вытащил пару одноразовых стаканов (не тумблеры, конечно, но ведь и мы не в баре, правильно?).

Их было пятеро: трое парней и двое девушек. На вид все были едва старше меня: кому – двадцать, кому – двадцать один, двадцать два. Наш разговор сразу заладился и освежил угасающий вечер. Все они оказались студентами какого-то колледжа гуманитарной направленности, на добровольных началах направляющимися в какой-то дальний городок для проведения какой-то акции, связанной то ли с животными, то ли с большими туберкулёзом, в общем, не важно (да и не больно-то интересно).

Интересным мне показалось их пристрастие к классической и джазовой музыке и живой интерес к той, на которой, можно сказать, жидился мой собственный вкус. Мы разлили солодовый напиток и, поочерёдно травя всякой степени правдивости байки, не спеша прожигали им свои глотки (старина Марк был прав: от года к году эта дрянь становится всё менее тошнотворной).

Дело шло к ночи, но никто из обитателей вагона не спал. Байки сменялись глупыми шутками, последние – песнями и звоном никелированных струн. Лишь недавно, казалось, равномерно распределённый по местам контингент столпился у конца вагона, занимая все свободные места и активно участвуя в ходе этой своеобразной вечеринки. Кто-то играл в карты, с азартом в глазах тасуя истрёпанную колоду, кто-то неспешно попивал остатки скотча и дешёвого пива, какие-то парочки попеременно покидали компанию, и как правило возвращались довольно одухотворёнными, моя же спутница с блаженной тоской в глазах разглядывала серебро нагрудного распятия, медленно вытягивая жизнь из тонкой ментоловой сигареты. Я же продолжал перебирать струны до самого восхода солнца.

Сон растворился столь же внезапно, как и сбил меня с мысли. Лучи возвратившегося светила прожигали кожу и вклинивались в слипшиеся глаза. Вагон был пуст. Ещё некогда шумный стальной колосс не издавал ни звука. Никто не шастал между сидениями и не шатался по тамбуру. Над составом стелилась густая тишина, монотонным писком отзывавшаяся в ушах.

Я сошёл с поезда в поисках хоть какого-нибудь мало-мальски знакомого лица. Беглый взгляд вцепился в сутулого мужичка, бредущего вдоль путей в мою сторону. Роба его могла похвастаться отличным состоянием и недурным качеством покроя, чего нельзя было сказать ни о его обуви, перемотанной несколькими слоями канцелярского серебристого скотча, ни о переваленной через плечо лопате, ржавчина которой прослужила, видимо, ни одному поколению железнодорожников.

Короткий диалог с работягой дал мне понять две вещи: ни студентов с гитарой, ни зеленоглазой блондинки здесь замечено не было и, как оказалось, поезд уже минут как двадцать пребывал в конечной точке маршрута. Никто не удосужился оповестить об этом меня. Что ж, плевать.

Глава 4. Белая ворона

Столик, пустивший корни в углу привокзального кафе, проявил себя как плодороднейшее рабочее место для неопытного писака. Затаённая обида вкупе с нахлынувшим вдохновением и ударом обжигающего мозг порошкового кофе вылились многочасовым изложением скопившихся за последние пару дней мыслей.

Строчка за строчкой грифель впивался в пожелтевшую бумагу, барельефом растворяясь поверх синих клеток будущей книги. Секунды слияния чернил с листом прерывались десятками минут неподвижного молчания кисти. Мысль ускользала, извивалась, просачивалась сквозь пальцы, растворялась в воздухе и редкой пылью оседала на кончике пера. Муза кокетничала, заводила, искушала, тонким пальцем касалась нервов и вертела им у виска, томила в обмен на мимолётные озарения. Секундная стрелка давно слилась с циферблатом, на сотни тысяч оборотов обогнав часовую. Время остановилось внутри меня, но проносилось, подобно скоростным поездам, за пределами моей головы.

– Молодой человек, может быть, что-то ещё?

– Да, неплохо было бы перекусить, чем можете порадовать на обед?

– На ужин.

– ...верно. Будьте добры, что-нибудь, что раньше бегало и жевало травку. И повторите кофе, пожалуйста.

Молодая официантка появилась вновь так же быстро, как и растворилась за стойкой. В руках она несла небольшой поднос с дымящейся картофельной массой, куском слегка подгоревшего мяса и очередной порцией кофе.

Я попросил счёт и принялся насыщать пустой желудок, отложив писательство на неопределённый срок. Возможно, творец и должен быть голоден, но и живым ему оставаться тоже не помешает. Да и какой из меня творец? Думаю, новичкам полагается фора.

Когда я получил счёт, в голову пришла неприятная мысль: проснувшись, я так и не проверил кошелек. Ребята в поезде были дружелюбны, но их исчезновение о чём-то да говорило.

Нервно пробежавшись по карманам и растрепав сумку, я всё же нашёл его именно там, куда положил изначально. Радости моей не было предела: все бумажки были на месте, в нужном порядке.

Не то чтобы я не выжил без этих купюр. Я всегда пренебрежительно относился к деньгам, имеющим обыкновение внезапно появляться и исчезать с куда более удивительной скоростью. Будучи довольно смыслённым и работающим, я не пропал бы даже здесь, у чёрта на рогах. Но ведь меня занесла сюда не погоня за заработком, тянет меня нечто большее и будет тянуть за собой ни одну сотню километров. Так или иначе, как бы ни была завышена цена на эти цветные бумажки, деньги – мусор, как говорил старина Марк.

Я расплатился и оставил немного официантке на чай, прихватив с собой недопитый кофе. Вечерело. Подходил к концу очередной день за пределами родного гнезда. Искать кров в это время было довольно безнадёжной идеей, поэтому я решил остаться на вокзале до восхода солнца. Допивая остывший напиток, я думал о завтрашнем дне, о недавней поездке, о безымянной белокурой девице и весёлых студентах, с грустью вспоминал о Кате и маме.

Одолевала тоска и скука. Впереди простиралась вся ночь, а заполнить её было нечем. Всё, что оставалось делать, – так это сидеть на скамье зала ожидания или бессмысленно бродить из стороны в сторону, не отрывая глаз от диска вокзальных часов. Усевшись, я уткнулся взглядом в бетон, матовым блеском сияющий у моих ног.

– Поздний рейс?

Я поднял голову и увидел довольно привлекательную женщину в чересчур вызывающей джинсовой юбке, длина которой едва доходила до уровня моих глаз. Её неестественно

яркий макияж под светом люминесцентных ламп не давал усомниться в роде деятельности особы. Казалось, от одного взгляда на неё можно было подхватить сифилис.

– Не совсем... – сев вплотную ко мне и закинув стройную ножку мне на бедро, незнакомка прервала меня на полуслове.

Она поднесла пламя бензиновой зажигалки к подбородку, едва не подпалив кудри цвета агата, жадно втянула сажу никотина и протянула пачку в мою сторону.

– Не откажусь.

Первая затяжка за два года прожигала гортань, как в первый раз, нитью прошивая всё тело до кончиков пальцев. Никотин делал своё дело и делал его чертовски хорошо, моментально размывая шум скопившихся за плечами проблем. Жёлтый дым вонзался в нос и глаза, впитывался в волосы и хлопок рубашки.

– Не думал, что вы работаете на вокзалах.

– У меня выходной. Захватила билет на завтра. Я живу здесь, неподалёку, – голос её отдавал сухостью и хрипотой.

– Спасибо за сигарету, но у меня нет ни желания, ни денег на новые знакомства.

– Я же сказала, у меня выходной.

Я почувствовал неловкость и замолк. Незнакомка взглядывалась в тлеющий пепел, секунду за секундой опускавшийся к фильтру, краплёному помадой оттенка вермилион.

– Не хочешь проводить девушку до дома? В это время на улице столько уродов.

– Почему бы и нет, – встав, я подал ей руку.

– А ты джентльмен.

Она жила в десяти минутах ходьбы от вокзала. Солнце окончательно утонуло в горизонте, и улицы погрузились в свет с переборами работающих фонарей. Прохлада снова снизошла к нам. Мы закурили ещё.

– Кира? Красивое имя. Подходит к твоему имиджу.

– Ты больной?! – едва сдерживая смех, она заехала мне сумкой по плечу.

– В последнее время я слышу это слишком часто.

Мы остановились, подойдя к небольшому домику, ограждённому клумбами и свежеракрашенным деревянным забором.

– Не зайдёшь на чай? У меня лежит отличный портвейн!

– А к чаю что?

– Есть немного текилы и рома.

– А чай есть?

– Вряд ли.

– Ну что ж, ставь чайник.

Внутри дом выглядел меньше, чем снаружи, но тем не менее выделялся особым уютом и теплотой. На стене висело распятие, под которым у кровати располагался журнальный столик с довольно потрёпанными Ветхим и Новым Заветами. Я немного засомневался в роде деятельности Киры и, найдя в шкафу монашьи одеяния, точно бы попросил прощения за свои шутки (хотя скорее всего запутался бы куда больше). Но сомнения исчезли, как только я перебросил взгляд через кровать: с другой стороны стоял похожий столик с пустой бутылкой бурбона, переполненной пепельницей и парой-тройкой запечатанных (слава богу) презервативов.

– Я здесь где-то здравый смысл потерял, не находила? – я указал взглядом на весь этот натюрморт

– Ой, прости, сейчас всё уберу, – книжицы и старина Иисус направились прямым ходом в выдвижной ящик.

Сказать, что я опешил, – ничего не сказать. Она меня немного пугала, но мне определённо нравился её стиль.

Кира сняла туфли и без капли застенчивости, не обращая внимания на меня, переоделась в менее откровенный наряд: зелёное платье домашнего покроя с подолом чуть длиннее прежней униформы.

– Чего ждёшь, бокалы – там, – она указала рукой на шкафчик небольшой барной стойки с гладко отполированными ручками.

Замешательство и робость во мне нарастали с каждой минутой. Ещё никогда мне не доводилось чувствовать себя так неловко.

Я подошёл к стойке и достал два бокала, окантованных трещинами чуть менее остальных. Там же я нашёл и портвейн с невыговариваемыми немецкими литерами. Мутная бордовая жидкость наполнила бокалы доверху, резкий запах спирта ударил в носоглотку.

Кира, склонившись над раковиной, стирала сложенным пополам ватным диском остатки теней и туши, с безразличием в глазах обнажая кожу женщины, перешедшей порог юности. Лицо её постепенно преображалось, обретало мягкие, нежные черты. Шум проточной воды стих. Хозяйка вышла из ванной, окинув комнату уставшим, но ещё блестящим взглядом.

– Распусти волосы, терпеть не могу эти пучки.

– Как скажешь, ковбой, – угольные кудри снова прикрыли скулы девушки.

Во всём доме не оказалось стульев, потому мы сидели на полу, разложив между собой «чайный сервиз». Жилище в принципе не выделялось шиком. Здесь не было ни кухонного гарнитура, ни телевизора, ни кресел, ни дивана. Возможно, это место выполняло роль офиса или что-то вроде того.

– Так как нелёгкая занесла в эти края? Я тебя здесь не видела раньше.

– Всё тебе расскажи! Мы с тобой знакомы от силы полчаса.

– Брось, милый, мне кажется, целую вечность, – чертовка ехидно усмехнулась.

– Я пишу.

– Журналист? Такой молодой, а уже пробился в люди?

– Не совсем. Совсем нет. Я пишу книгу. Уже второй год.

– Даже так! И много написал?

– В этом то и проблема. Там, откуда я приехал, не до писанины.

– Бродячий писатель? Мне это нравится! – перебила Кира, вновь оскалив клыки. –

И что же сподвигло тебя на нищенское существование писаки?

– Чёрт его знает. Я был и фермером, и почтальоном, отучился пару лет в колледже, который с успехом забросил, выезжал в столицу в поисках заработка, но всё равно возвращался к перу. Люди говорят: «Остепенись, парень, зачем тебе это? Не всем дано, да и книг уже написано на десять поколений вперёд», а я отвечаю: «Идите к чёрту, просто идите к чёрту! Я сам разберусь, уже не мал, уже самодостаточен».

– А, быть может, ты просто мудака?

– Действительно, – я поднял бокал, – за мудаков!

Звон бокалов повторялся из раза в раз. Мы хмелели, трезвели, опустошали бутылку за бутылкой, жгли раковые палочки, смеялись, рассказывали друг другу свои жизни.

– Мне завтра нужно съездить в соседний городок.

– За городом тариф выше?

– Идиот.

– Извини.

– Можешь остаться, тебе ведь некуда идти.

– А как же твои клиенты?

– Я найду компромисс, не волнуйся. Только никаких шлюх и наркоты!

Я засмеялся. Мы засмеялись. Мне определённо нравился её стиль.

– Одно условие: прочти мне свои записи.

– Идёт! Только сперва надо бы привести их в порядок. Трудно будет воссоздать хоть мало-мальски ровную структуру повествования из всех этих перепутанных обрывков. И, знаешь, я ещё никому не показывал своё детище.

– Большая честь, господин писатель! – в воздухе повис очередной бокал.

Болтовня продолжалась до глубокой ночи и завершилась делом.

К обеду я проснулся один. В воздухе стоял еле слышный запах духов. За окном прела груша, окутанная стайей перелётных птиц. Старина Иисус вновь занимал своё место и смотрел на меня с печалью и порицанием. На столе лежала записка: «Захочешь есть – приготовь».

Я оценил заботу и начал думать, чем занять себя в ближайшие пару часов. Решил продолжить писать. За полчаса выжал около двух строчек. Закрыв блокнот. Открыл холодильник. Вытащил пару куриных яиц и небольшой томат, пачку молока и остатки рафинированного подсолнечного масла. Как оказалось, повар из меня не ахти, зато пироман от бога.

Догрызя нечто, именуемое в моей голове омлетом, я решил что-нибудь почитать. Все статьи в журналах и газетах Киры оказались необычайно скучными и до безобразия глупыми. Я заглянул в небольшой книжный шкафчик. Его заселяли пара романов Чака Паланника, неполное собрание рассказов Лавкрафта, сборник антиутопических произведений разных сортов и небольшая книжонка с картонной закладкой где-то между страниц.

Открыв её на начале и с трудом прожевав первые несколько страниц, я открыл для себя три вещи: прочесть произведения Буковски может каждый, понять – любой, чей IQ выше двухзначного числа, но полюбить – только конченный идиот.

Глава 5. Рождённый ползать

Обожаю Чарльза, мать его, Буковски! Прочёл от корки до корки. Не то чтобы я видел в «Фактотуме» какой-то скрытый эзотерический смысл или хоть какой-то намёк на литературную ценность, но, чёрт возьми, бульварное чтиво – определённо то, что я искал последние пару лет, да простят меня Булгаков и Достоевский! Однако вы навряд ли захотите перечитать его книги в следующий раз (если только у вас нет проблем с половым созреванием или лишней хромосомой).

В кои-то веки во мне шелохнулось неподдельное вдохновение. Через час блокнот потолстел на двадцать страниц, что было огромным прорывом за последнее неплодотворное время. Кисть выводила букву за буквой, вычёркивала, обводила, вырывала листы, повествовала, описывала, рассуждала.

Истощённый и одухотворённый, я вновь рухнул в объятия кровати. Голову снова опутали плоды больной фантазии.

Вот мы сидим за столом с Иисусом, облачённые: он – в тряпьё и терновый венок, я – в тогу и сандалии, на веранде в глубине виноградных садов. Рядом Марк стряхивает сигаретный пепел с белоснежной туники и с задумчивыми глазами перебирает звонкие нити позолоченной лиры. Мы пьем портвейн и спорим.

- Ну какая ещё вавилонская блудница? Ну ты сам подумай, что несёшь!
- Прояви хоть каплю уважения перед сыном божьим!
- Божьим? Ты сам-то его видел?
- Попродержи коней, остряк!

За шумом листвы проявилась фигура юной девы с аккуратно уложенными белокурыми волосами. В руках она несла кипу каких-то бумаг и пачку ментоловых сигарет.

– Спасибо, душенька! Будь добра, принеси нам по чашечке кофе и что-нибудь перекусить, думаю, совещание продлится ещё какое-то время. И если кто спросит, меня нет.

– Слушаюсь, – девушка увела зелёные глаза в сторону, но вдруг опомнилась. – Ах да, шеф, вам звонил некто, не представился, говорил что-то про вашего отца, и что падших ангелов не бывает.

- Спасибо, милая, я разберусь.

Секретарь вновь исчезла в зелени виноградника. Босс с деловитым видом снял венок, протёр испарину со лба, водрузил тёрн на прежнее место и надвинул очки на переносицу.

– Так, что тут у нас: не то, не то... ага, вот и наша блудница. Похоть и прелюбодеяние, алчность, гордыня, чревоугодие и уныние – двадцать две тысячи восемьсот четырнадцать статей на одну двадцати семилетнюю душу! И ты её ещё защищаешь?!

- Все мы делаем ошибки: и я, и ты.
- Одну, две, десять, но не двадцать две тысячи восемьсот четырёх..., о боги, пятнадцать.
- Но ведь ты учил о всепрощении.

– Было дело. Первые пару лет эта акция работала безотказно. Но наши партнёры из, скажем так, «нерая» были крайне огорчены низкими показателями притока свежей рабочей силы. Было решено удалить эту статью из договора, но люди почему-то пропустили это мимо ушей. Нынче от дефицита страдаем мы, но до повторного рассмотрения договора, к сожалению, ещё уйма лет, – вздохнув, он достал из выдвижного ящика пачку сигарет.

– Неужели ничего нельзя сделать? – кивнув головой, я поднёс пламя свечи к сухости табака и, не отводя глаз от собеседника, продолжил. – Приятель, выручай по старой дружбе, Кира не заслуживает геенны огненной, разве что порицания и порки.

– Я подумаю. Ты бы лучше о себе позаботился, в последнее время твоё поведение крайне удручает.

– За меня не беспокойся, всё под контролем.

На веранде вновь появилась зеленоглазая блондинка с расписным подносом. Марк отвлекался от игры каждый раз, как она возникала из ниоткуда, улыбался и подмигивал смущённой красавице. Но на этот раз секретарю было не до заигрываний.

– Шеф, этот ненормальный уже здесь, рвёт и мечет, хочет видеть вас и вашего отца, притащил с собой каких-то четырёх психов на лошадях.

– Трудный день, – выдохнул сын божий. – Я сейчас подойду, милая, предложи пока гостям чаю, – он повернулся в мою сторону. – Так, на счёт Киры. Я всё обдумаю, позвоню, будь на связи. А сейчас, сам видишь, не до этого.

– Хорошо, буду ждать, – я встал с кресла. – Папе привет.

– Пошёл ты.

Замочная скважина издала два коротких всхлипывания.

– Ты весь день собираешься проваляться?

– Будь моя воля – всю жизнь.

– Пригрела бездельника называется. Помогите с сумками.

В руках Кира держала два битком набитых пакета. Один, заполненный сотнями бумаг и различных квитанций с исписанными полями, она вручила мне и сказала вывалить всё на кровать. Второй, разносящий запах рукколы и прочей зелени, со стеклянным звоном приземлился рядом с холодильником.

– Что за бумаги? Выписываешь чеки за услуги?

– Я риэлтор, баран.

– Вот как, – покраснев, стыдливо выдавил я. – Неловко вышло.

– Ты разобрался со своими записями?

– Лучше! Я дописал две главы. И, знаешь, кажется, я спас тебя от высшего суда.

– Замолвил за меня словечко Иисусу?

– Вроде того.

– Я же сказала, никаких наркотиков.

Подходил к концу очередной день, который едва успел начаться. Мы слушали какой-то старомодный блюз и готовили ужин. Несмотря на моё рвение, мне была доверена лишь нарезка овощей и зелени. Кира, сквернословя, оттирала «омлет» от сковороды и готовилась тушить мясо.

– Так куда ты ездила?

– Продала очередную хибару какой-то семейной парочке. Вот они удивятся, когда узнают, что в стенах нет ни утеплителя, ни какой-либо изоляции, а жилая площадь по факту на пять квадратов меньше.

– Ты серьёзно?

– Ну да, каждый держится на плаву, как может.

– А тебе по шее за это не дадут?

– Не моя проблема, что люди хотят подешевле и побыстрее. К тому же, кадастровый и технический паспорта всё время были у них под носом, но ведь всем плевать на мелочи и сноски, лишь бы картинка была попестрее.

– Двадцать две тысячи восемьсот пятнадцать...

– Что?

– Да нет, ничего, просто задумался.

Впервые за последние дни я ел что-то сносное. Кира, как оказалась, неплохо разбиралась в кулинарии да и в принципе была человеком многих талантов. При первой встрече с ней вы бы вряд ли поверили, что она закончила технический и юридический институты с отличием. На журнальном столике аккуратно под Заветами пылились какие-то дипломы и корочки, государственные грамоты, сертификаты и прочие атрибуты жизни успешного

человека. Но Кира лишь изредка от скуки протирала с них пыль или сворачивала из них бумажных журавликов.

Мы снова пили, закуривали, болтали о всяких пустяках. Я зачитывал ей свои наработки, она местами с блеском в глазах слушала, местами смеялась, иногда произносила коротко: «Убери это».

Шли дни, недели, месяцы. Я не помню, когда последний раз засыпал с ней трезвый. Нам было на всё плевать. Мне казалось, пока мы пьяны, мы живы. Мне казалось, пока мы вместе, мы живы.

Я позабыл обо всём, но никак не о маме и сестрёнке. Порой я вставал в приступе очередной бессонницы, стараясь не разбудить Киру, зажигал настольную лампу. Выкладывал на столик лист бумаги и карандаш. Собираясь с мыслями, стачивал его до середины, так и не найдя ни одного подходящего слова. Письмо из ночи в ночь оставалось пустым, писательский талант, порой рекой льющийся из-под грифеля, то ли спал, то ли агонизировал.

Порой хотелось всё бросить и вернуться домой, взять с собой Киру, не гнаться за туманной мечтой и жить обычной жизнью, но я понимал, что всё рано или поздно вернулось бы на круги своя. Кира лишь говорила: «Высунь голову из задницы, твоё дело – писать». И я писал. Писал, изо дня в день утолщая блокнот, заваливая стол исписанной макулатурой. Писал месяц за месяцем, сменяя грифель за грифелем, опустошая чернила сотен авторучек.

– Ну и что ты думаешь?

– Говно.

– В смысле? – недоумение на моём лице говорило само за себя.

– Ну для семейного архива, пробы пера или сдачи курсовой на кафедре журналистики какого-нибудь Мухосранска пойдёт.

– Какого чёрта ты несёшь? Я писал это три года, три грёбаных года!

– А я говорю, говно.

Кровь прилила к вискам вместе с непреодолимым желанием схватить её за глотку и переломить гусиную шею. Благо здравый рассудок всегда преобладал в моей кипящей голове.

– Пойми меня правильно, я не хочу тебя задеть. Ты правда старался. Но этого недостаточно. Ты можешь написать сложнее, остроумнее, глубже. Тебе нужен опыт. Ведь я выбрала тебя, значит, ты лучший!

Кира приблизилась ко мне, но я сделал шаг назад.

– Тебе нужно всё обдумать. Я вернусь ближе к вечеру, не теряй рассудок, творец, – отправив воздушный поцелуй, она накинула плащ и скрылась за дверью.

Разменять вечность можно, следя за тем, как бежит вода, извиваются языки пламени и как тускнеют в нём некогда полные жизни рукописи. Огонь жадно сжёвывал плоды трёх лет бессонных ночей, отхаркивая в дымоход золу пышущих жаром букв. В этот раз мысли не путались в суматохе, не вились вокруг языка и кисти, не пересекались друг с другом, не ускользали. В этот раз разум пребывал то ли в оцепенении, то ли в анабиозе. Равнодушные и пустота постепенно заполнялись тёплым глинтвейном и растворялись в нём на пару с угарным газом.

– Я не намекала ни на какие радикальные меры, – слышалось из-за спины.

– Плевать.

– Наверно, не стоило так резко. Ты воспринимаешь всё слишком близко к сердцу.

– Не вини себя, на утро я буду бодрячком.

– Радует, что ты не теряешь жизнелюбия.

– Скажем так, я ещё не решил, когда пушу себе пулю в лоб.

– Довольно оптимистично.

Мы молча сидели и жгли оставшиеся отпечатки моих мыслей. Как трудно создать целую жизнь, историю, и как просто уничтожить всё в одночасье. Слезы наворачивались при мыслях об этом, солью выжигая блеск покрасневших глаз. Морфей вновь ненароком коснулся моих век.

– Ну что же ты, братец, мужчины не должны плакать! – подкидывая очередной лист в нутро камина, наставляла Катя.

– Это мальчики всем чем-то обязаны, мужчина не должен никому и ничего, – оборвал я, протирая заспанные глаза.

– Стоило оно того, а, братец? Год прошёл, а ты как грезил о чём-то, так и продолжаешь гнаться за собственной тенью.

– Хоть ты меня не суди.

Катя увела взгляд и перевела дыхание.

– Мы скучаем. Нам трудно без тебя.

– Я всё понимаю. Подождите ещё немного, самую малость. У меня получится, обещаю.

Повисла тишина, прерываемая лишь треском объятых пламенем сухих дров, огоньком мерцавших в глазах сестрёнки.

– Марк о тебе спрашивал.

– Марк? Он вернулся?

– Да, сказал, что будет ждать твоего приезда.

– И как он?

– Как всегда: разит перегаром, сквернословит и пошло шутит. К счастью, он слишком бедный, чтобы пить так часто.

– Это радует, – я невольно улыбнулся, – Как матушка?

– Потихоньку. Говорит, что ты нам важнее бумажек, которые присылаешь. Откуда они, кстати? Не думаю, что кочегарам много платят, – демонстративно бросив последнюю стопку бумаг в камин, произнесла Катя.

– У меня, так сказать, нашёлся спонсор.

– Эта девица? Мама не разрешает мне ошиваться рядом с такими.

– Она хорошая, правда.

– То есть тебя обеспечивает девчонка?

– Не начинай, пожалуйста, – наши голоса вновь слились с пустотой комнаты.

– Ложись-ка в кровать, тебе пора спать.

– Нет, я хочу посидеть с тобой ещё.

– Успеешь ещё насидеться, – Кира продолжала трясти меня за плечо.

Мы легли и продолжали говорить что-то друг другу, отшучивались, болтали, допивая остатки остывшего глинтвейна, незаметно сливаясь со сном. Впереди ждал новый день, можно сказать, новая жизнь. Феникс в девятнадцать глав вспыхнул, сгорел и истлел вместе со мной. Отчаяние, апатия и самобичевание растворились в объятьях Киры, сменившись на призрачную надежду и зыбкое воодушевление. Впереди ждал новый день.

Глава 6. Подобно фениксу из пепла

Так вот, что такое похмелье. Кажется, последние пару бокалов были лишними. Чугунные виски тянут свинцовую голову к паркетному полу с единственным желанием: спрятаться в его щелях и не выходить на свет до скончания веков. Во рту вкус невымытых задниц и остатков вчерашнего алкогольного реквиема. С трудом подчиняющиеся размякшему мозгу руки медленно протирают слипшиеся веки, за которыми бессильно затаились ослепшие за красной пеленой глаза.

Неторопливым взглядом, стараясь не тревожить вывернутое наизнанку серое вещество, пытаюсь оглядеть помещение. Квартира Киры, она рядом. Это радует. Теперь ищу джинсы. Они на мне. Это огорчает.

На часах четыре двадцать две. Осталось выяснить до или после полудня. Распахнув шторы, я понял, что встал довольно рано. Однако лучше, чем слишком поздно.

Понадобится много времени, чтобы выветрить весь этот смрад и привести себя в норму. Для начала открою окно. Это не так-то просто, учитывая тот факт, что меня до сих пор штормит, как бумажный кораблик в двенадцатибальный ураган.

С трудом не выпав из оконного проёма и изрядно помучившись с замком, я всё-таки справился с задачей и направился в душ, холодный, как лёд девятого круга ада. Наспех слепленный сумбурный ком беспорядочных мыслей начал разглаживаться и обретать ясные формы.

Найти работу. Да, давненько пора. Но это потом, когда окончательно приду в себя. Снова писать. Откладывать нельзя, я уже потратил слишком много времени впустую. Начну с малого: сделаю Кире завтрак, главное не пользоваться плитой.

Фантазии хватило на салат из морепродуктов и овощей, завалившихся на верхней полке холодильника, какого-то какао или горячего шоколада (я так и не понял) и свежего апельсина.

Я не спеша нарезал зелень, докуривал последнюю сигарету и краем глаза просматривал объявления в газете недельной давности. Курьер – вроде неплохо. Хорошая заработная плата, предоставление служебного транспорта, требуется знание города и трёхлетний стаж вождения. В этом городе, кроме дома Киры и вокзала, я нигде толком не бывал, а управиться не в состоянии даже с велосипедом. Пропускаем. Требуется журналист в литературную колонку. То, что надо! Требования: грамотная речь, как письменная, так и устная, приветствуется опыт работы в газете или журнале, высшее образование – обязательно. Пропускаем. Повар-пекарь. Пропускаем. Соцработник – никакого опыта, никакого образования, знай себе ухаживай за стариками да корми бездомных. Но я бы заработал больше, стоя на паперти. Безнадёжно, подождём следующий выпуск.

Я дорезал овощи, выложил мидий (или чёрт его знает что, но слизкое и пахнущее заводским прудом), заправил всё маслом, смахнул с верхушки пепел, прихватил кружку, апельсин и направился к Кире. По её взгляду было видно, что ей сейчас не до мидий. Я принёс ей воды и аспирин. Морской салат я доел на пару с дворовым котом.

Кира легла спать, я снова сел за перо. В голове мелькали какие-то слабо связанные сюжеты и истории, едва ли совместимые между собой, но я решил не упускать и этого, выпитывая каждую строчку в очередной лист бумаги. Стрелки часов гнались друг за другом, обводя поочередно силуэт циферблата. Я писал, вглядывался в окно, попивал какао, снова писал, смотрел на Киру, набирал очередную кружку горячего напитка, складывал из бумаги самолётики, запускал их в спящую хозяйку, снова писал.

Вечером постаревшая на двадцать лет Кира всё же проснулась. Сквернословя, встала с кровати и заправилась очередной порцией аспирина. Аспирин с водкой. Умылась, причесалась, выпила с пол-литра воды и вновь помолодела на двадцать лет.

– Да на кой ляд тебе работа? Я зарабатываю больше, чем вся редакция этой вшивой газеты, – прижав ко лбу замороженное мясо, прохрипела хозяйка.

– Бездельничать, безусловно, весело, но всему есть свой предел. Я уже год сижу на твоей шее.

– Ты не тяжёлый, да и шея у меня крепкая.

– Не сомневаюсь, но тем не менее, я устал просиживать задницу, вдохновение не задерживается на одном месте.

– Оно всегда за спиной тех, кто трудится над своим детищем, – отложив будущий стейк в сторону, она приблизилась ко мне и обняла за плечи. – Послушай, я уже говорила, твоё дело – писать, не отвлекайся на ерунду.

– Я и не отрекаюсь от этого. Просто неплохо было бы освежить жизнь и хоть раз угостить тебя кофе или сводить в кино, например.

– Я похожа на тех, кто ведётся на эти дешёвые трюки?

– Да брось, я просто хочу потешить своё мужское эго.

С минуту мы просидели молча, перебирая в руках дымящиеся кружки горячего чёрного чая.

– Хорошо, – высунув тонкую руку из недр сумки, произнесла Кира, – сходи к этому мужику, я всё устрою, тебя примут на отличных условиях, – она изувечила край страницы синими чернилами, записала контакты какой-то особы и протянула лист в мою сторону.

– Что меня там ждёт?

– Завтра узнаешь, я обо всём договорюсь.

– Как скажешь, босс, – протянул я, рассматривая белую карточку с чёткими линиями типографской краски. – Токарь Эм О. Ну и фамилия. Максим Олегович?

– Мирон Остапович.

– Такие имена ещё существуют?

– Такие имена делают большие деньги, так что угомони остроумие на завтрашнем собеседовании.

– Как скажешь, босс.

Сон прервал шум фена. Кира, расхаживая в нижнем белье, сушила волосы и хрипло напевала какую-то незатейливую песенку на немецком языке.

– Ты опаздываешь, – глядя на меня сквозь зеркало, она прервала немецкий фольклор.

– Почему тогда ты не разбудила меня раньше?

– Потому что я тоже опаздываю. Приведи себя в форму и загляни в шкаф, я заказала тебе костюм.

– Нахрена мне костюм? Я даже на свадьбу тётки пришёл в свитере и джинсах.

– Не сомневаюсь в твоём чувстве стиля, но Мирону нужен не тракторист.

– Ладно, молчу, убедила, – протерев сонные глаза, я продолжил. – Так что я должен буду делать?

– Узнаешь всё на месте, я тороплюсь, – натягивая чёрную непривычно длинную для себя юбку, оборвала Кира. – Я заказала тебе такси, на всё про всё у тебя пять минут, собирайся.

Я управился в три минуты. Как оказалось, костюм мне шёл. Видеть себя в чём-то, что дороже завтрака в местной обрыгаловке, было в диковинку. Правда, ощущение того, что меня тащат на похороны, не покидало ни на секунду.

Закуривая, я принялся снова разглядывать визитку. Мирон Остапович, не забыть бы. Хотя такое имя хрен забудешь. Кира уехала, оставалось только глядеть в окно и ждать машину. На удивление, транспорт прибыл минута в минуту.

Поездка заняла около двадцати минут. Я, можно сказать, впервые вышел в свет, да ещё и одетый по-человечески. Не думаю, что в наше время кому-то есть дело до того, как одет сосед в метро или случайный прохожий. У всех голова забита вещами поважнее: кому детей в садик завести, кому на работу не опоздать, кому поскорее закрыть ипотеку, кому незаметнее проскользнуть мимо патруля и не засветиться с весом на кармане. Всеобъемлющему эгоцентризму не до шмоток одного из семи миллиардов незнакомцев. Моё же эго в этот день было немного довольнее прежнего.

Как оказалось, в этом городе, помимо вокзала, присутствовали пара кинотеатров (один из которых был закрыт, как выяснилось, второй год) и музей с потрескавшимися колоннами, институт, приговорённый к формальной утилизации по причине отсутствия финансирования, и бесконечное множество сияющих позолотой храмов и соборов – неотъемлемых атрибутов просвещённого светского государства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.